

An abstract painting featuring bold, expressive brushstrokes in a variety of colors including blue, green, red, orange, purple, and grey. The composition is dynamic and layered, with some areas appearing more prominent than others. A white rectangular box with a black border is overlaid on the right side of the image, containing text.

ЯН ВАЦУК

NEW ARBAT AVENUE

Ян Ващук

New Arbat Avenue

«Издательские решения»

Ващук Я.

New Arbat Avenue / Я. Ващук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747252-8

Эта книга — второй сборник новелл, отобранных автором из свежего материала, написанного за 2015–2016 годы. От разговорных сцен и выдержек из личной переписки до этюдов «мокрым по мокрому», то и дело стремящихся потерять пунктуацию и перетечь в верлибр, — эти рассказы почти не связаны друг с другом, и единственная причина, по которой они оказались под одной обложкой, продолжает циркулировать из текста в текст по системе кротовых нор, оставаясь недосказанной и неуловимой, как бозон Хиггса.

ISBN 978-5-44-747252-8

© Ващук Я.
© Издательские решения

Содержание

Привет	6
New Arbat Avenue	8
15	10
New Horizons	12
Дед	14
Четыре рубля	16
Как дела?	17
Private Pictures	19
Люблино	21
Колготки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

New Arbat Avenue

Ян Ващук

© Ян Ващук, 2016

© Ян Ващук, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Привет

Привет, меня зовут Ян. Когда-то меня звали Ваня, но я заставил это имя скинуть 15 кг, качнул ему губы, одел в узкие джинсы и переехал вместе с ним в лофт на Яузе, где мы начали вместе работать над моим первым сольником.

Я музыкант, и музыка составляет самую большую часть моей жизни. Я записываю свои треки, выпускаю синглы и EP, и вот недавно у меня вышел первый LP, то есть лонгплей, альбом из 14 треков, над которым я и мои друзья работали весь последний год. Во время записи мне пришлось играть на разных инструментах – в том числе, как я сейчас понимаю, на себе самом.

Если вы читаете меня дольше, чем один день, то знаете, что я часто публикую в своем блоге новеллы – шорт стори – миниатюры – называйте, как хотите – небольшие тексты, на чтение которых обычно уходит примерно столько же времени, сколько на прослушивание и, может быть, еще одно прослушивание нового трека Ноэла Галлахера, Деймона Албарна или Лиззи Грант. Я записываю их у себя дома или в полевых условиях метро, электрички или кафе, используя внешний мир как медиатор и свой собственный нерв как винтажный электроакустический Morris 1974 года. Иногда я не очень строю, иногда откровенно лажаю, иногда использую дурацкие ходы, иногда получается что-то бессвязное, и я удаляю запись через пару минут, пока никто не успел ничего понять. А потом ночью переписываю по новой и все равно выкладываю.

Я люблю думать о своей прозе, как о зонде «Вояджер-1». Он стартовал в 70-х, когда меня еще не было, и продолжает лететь до сих пор, даже изредка отправляет на Землю данные и меланхолические фотки вроде той, на которой мы все – бледная голубая точка. Помимо всевозможного научного оборудования, на нем закреплена золотая пластина с небольшим посланием внеземным цивилизациям, в котором земные ученые попытались средствами своего земного символизма передать все прелести и невзгоды жизни в нашем мире и заодно дали его координаты. «Вояджер» летит на огромной скорости, но это все равно невероятно медленно приближает его к ближайшим звездам, где теоретически могут найтись адресаты его послания. И, тем не менее, он летит, потому что это его задача. Он будет тащить свою золотую пластину, когда настанут вторые 70-е, и еще одни, и еще. И даже когда все семидесятые закончатся, потому что закончится счет времени, он все равно будет лететь, экономя память для фоток и видеосов сомнительных чудес экзопланетного света.

Если бы я был своим собственным критиком, я бы порекомендовал вам относиться к моей прозе как к 90-минутной кассете BASF с заклеенной жвачками защитой от записи – это были такие дырочки сверху, которые делались на лицензионных экземплярах в тщетной попытке предотвратить пиратское копирование. Раньше на ней были предковские Битлы, или Led Zeppelin, или Pink Floyd, или Боуи, потом сборник поспешных и либо слишком длинных, либо слишком коротких, обязательно с блевотной отбивкой в начале или в конце, но все равно любимых треков девяностых, записанных с «М-Радио», потом мой голос, звучащий с чудовищным эхом, мои пальцы, барабаниющие по столу, мои миксы, сделанные в игрушечной программе, раздобытой в юном интернете, и записанные на протянутый через квартиру микрофон, пока папин компьютер был свободен, кусок клавишной демки, так же поспешно записанной мной и моим другом уже на его двухкассетник, и сразу же после слов «Все, есть, заебись» – странная запись с новой радиостанции, занявшей привычную частоту, на ней незнакомая и невидимая женщина профессионально стонет под пошлый эмбиент – ради этой женщины, похоже, можно было пожертвовать и другом, и остатками Боуи, – потом тишина, минута, две, шипение, треск, и – в самом конце стороны А – моя собственная работа.

И в том месте, где, по идее, пленка должна обрываться, умный японский двухкассетник аккуратно щелкает, сам меняет направление головки, мигает лампочкой «Auto-reverse» и продолжает играть. Он проиграет до конца все мои записи вперемешку с бормотанием, сопением

и обрывками затертых слоев, и повторит все сначала, и еще раз, и еще. Он не вернет замолкшие радиостанции, не воскресит Боуи и не восстановит испорченные отношения, не вернет летящие за окном листья обратно на деревья и не втянет раздобревших одноклассниц обратно на крыльцо школы с тонкой сигаретой, но это, если подумать, не его работа. Его работа – плыть в теплой, то ли приречной, то ли океанской ночи, то ли в лесной, то ли в песчаной тиши, то ли в пустоте, то ли в гуще темной материи, возвращаться и петь. И, понятное дело, беречь место для новых записей – в том числе с использованием меня самого в роли почти винтажного Jazz Bass 1994 года и экзопланетного мира в роли немного потрепанного и сточенного, но все равно надежного и любимого басового медиатора.

New Arbat Avenue

Лежа в ванне субботним вечером в аккуратной студии на Новом Арбате, по-семидесятски тесной, по-двевтысячидесятски уютной, она фоткает себя, выигрышно ню в пене и полумраке, постит в инста – вытерев руку о бархатное полотенце – грам, ойкнув и чуть не утопив айфон в процессе. Подружка Настя с Ленинского – она такая же лапа – отвечает: «Хороша!». Еще бы не хороша, удовлетворенно улыбается она, ворочаясь, чтобы устроиться поудобнее в остывающей воде. Ты красивая, пишет некто Владимир Ш., профессиональный фотограф Москва. Горячая, пишет непонятный Владик. Главного не видно, типа шутит какой-то сальный козел. Набор смайлов от отчаянного школьника из замкадья – что там у него в потоке? – ну да, так и есть, микрорайоны, бетонные заборы, радуга из окна мытищинской панельки, драматичные селфи с другими такими же бичами в плохо освещенных туалетах бюджетных баров – это что, унитаз? – она выходит, выходит, смахивает, свайпает влево, стирает из памяти, встает на мягкое полотенце, течет на пол, выжимает волосы и медленно обтирается. Свеча на краешке ванны еще большая. Она смотрится в зеркало, смотрит на свое тусклое нагое отражение, делает еще один снимок – это уже для себя – ну, и, может быть, для Насти – ну, и еще на всякий пожарный для того хакера, который однажды взломает айклауд и выложит в сеть фотки Дженнифер Энистон, Милы Кунис и ее – если она к тому моменту уже будет в Бэль-Эйр, Лос-Анджелес, или в Нью-Йорке на 5th avenue. А пока – Arbat Avenue, как предлагает служба геолокации – мило, думает она, вроде как уже и не Москва, вроде как почти N. Y. C.

Она подходит к окну, расчесывая волосы гребнем, отдергивает занавеску и смотрит на улицу, на свой панорамный व्यю за 70К в месяц, на поток машин, на крыши магазинов и ночных клубов, когда-то бывших казино, на блестящий вдаль Christ the Saviour Cathedral, на магнифисентно иллюминированный Кремль, на подстриженные газончики и прозрачные остановочки, на скучающих на них в ожидании троллейбуса №2 хипстеров – ну да, рассуждает она, а чем не авеню, она достает телефон, открывает окно и, морщась от прохладного сентябрьского ветра, делает снимок, нечеткий, еще один, блять, как холодно, еще, вот этот вроде нормальный, она захлопывает окно и идет к кровати. Обрезает фото, отстраивает яркость и контраст – это важно, потому что так будет меньше видно эти дурацкие серые швы между строительными блоками на стене, this is so Russian, усмехается она про себя на – в перспективе – втором родном, «Как холодно», – подписывает на первом, подумав, добавляет хештег «арбат».

«Красотища», – комментирует Настька. Сидит безвылазно в инстаграме на своем Юго-Западе, похоже. Сомнительное удовольствие, размышляет она. «Могу согреть», – комментирует школьник из предыдущего поста, до этого говоривший только смайлами. Господи, думает она, сам-то хоть домой уже добрался-то? Ведь еще трясешься, поди, в своей жесткой подмосковной электричке, зажатый между двух злых бабок и дурно пахнущих мужиков, пляющихся в твой телефон, и тебе, наверно, действительно холодно, почти по-матерински нежно думает она. Давай беги уже домой, зайчик, не трать на меня заряд, оставь лучше на звонок маме и заветное «Я на платформе», – ведь добраться до конечной в твоём случае еще не означает добраться до дома, я лучше тебя знаю.

Я лучше тебя знаю, продолжает она уже вслух, каково это, когда тебе по-собачьи холодно, и тебя некому согреть. Когда любовь – это космический зонд «Вояджер-1», до которого радиосигнал идет 14 часов, и потом еще столько же обратно, и еще неизвестно, правильно ли он тебя понял и не врезался ли мимоходом в блуждающую комету, пока ты ждала ответа. Когда кажется, что ты чужая на этой планете, созданной специально для того, чтобы ты страдала. Когда единственный язык, на котором ты способна говорить, это язык пиктограмм и картинок, потому что любое человеческое слово, как неостановимый осколок метеора, больно бьет твоё невесомое тело и норовит разгерметизировать твой скафандр, когда все окружающие тебя

существа, активно общающиеся при помощи этих слов, выглядят сумасшедшими берсерками и непригодны для контакта. Когда ты – Стивен Хокинг, падающий в черную дыру, а твой вечер субботы – та самая черная дыра, выдающая себя за видимую вселенную с ее звездными скоплениями Медведково, Мытищ, Арбата, кремлевскими квазарами и расширяющимися межгалактическими пустотами остальной страны, где тебя угораздило родиться.

«Опубликовать твит?» – спрашивает Сири. «Какой, блять, – вздрагивает она. – Стой, куда!» Ваш твит опубликован, говорит Сири. Ой дура-а-а-а, твою-то мать, сотрясает телефон, так, так, твиттер, моя страница, удалить, вы точно хотите удалить этот твит? Ну ты загнула, пишет некий Вася1997, че куришь, пишет он, кальян по ходу был хороший, вторит Cowboy88, Наташ, ты че это, спрашивает NastkaMakaka – та же Настька, но в другом измерении, удалить твит, да или нет, спрашивает система, глупая машина, мне бы кнопку «Я не знаю», шутит она, неплохо, отвечает незнакомый какой-то ник, без скобочек, с точкой на конце, на вас подписан Родион Бездонников, сообщает твиттер, у Родиона в ленте одни тексты, а на аватарке черно-белый Родион с красивым узким лицом. «Наташ, сама написала?? Оч красиво!!!!» – по своему обыкновению обильно пунктуационно пишет Светка, вроде подружка, а вроде просто подписчица. У вас пять новых подписчиков – и все они такие зайки, рассуждает она. Удалить запись? Конечно нет, глупая машина. Господи, и правда холодно. Она встает, подходит к окну, проверяет ручки, да нет, все плотно, возвращается на диван, перечитывает запись.

«Межгалактическими» – слитно же, да? «Когда ты – Стивен Хокинг» – надо поправить на длинное тире. И вообще, можно ли «падать в черную дыру»? Вот что мне удалось найти в интернете по запросу «черные дыры гравитация». Спасибо, Сири.

Могу согреть, комментирует запоздалый козел фотку получасовой давности. Спасибо, приветливо отвечает она, – уже согрели. И смайлик, аккуратный, один, как Родион бы написал, наверно. И тире длинное. И вообще, пошел нахуй, я читаю. #science #is #sexy #мск #arbat #avenue

15

Уродливый шрам на моей правой ноге напоминает мне о лете. О лете, когда мне было 15, у меня были мягкие подростковые усы, длинные спутавшиеся волосы и зеленый велосипед «Кама» с отставшими наклейками и непомерно высоким седлом. Надо мной катилось ванильное небо, вокруг была сочная зелень Ленинградской области, прерываемая разноцветными дачными домиками и ларьками, подо мной – мост через реку Оредеж, на котором я на секунду потерял управление, испугавшись фуры, прижался к грубому бетонному ограждению и в кровь разодрал себе кожу.

Было не больно, но я испугался, что случится заражение, и помчался домой – вверх по пологому берегу, мимо дореволюционного здания телеграфа с верандой и башенками, мимо магазинов, мимо школы и садика, по улице Сквозной, на которой всегда дул сильный ветер – сплошным потоком, как в аэродинамической трубе, как на тренажере в ангаре NASA, где готовят миссию на Марс.

Я перескочил через двухполосное Сиверское шоссе, уронив на горячий асфальт со свежей разметкой капли своей теплой крови, и налег на педали на финишной прямой по родному переулку, где уже виднелся мой ярко-красный дом, окруженный дедушкиной строгостью, бабушкиной заботой и озоновым экраном летней вседозволенности. Там, в гостиной, на моей посадочной площадке, куда я безошибочно приземлился, меня ждала аптечка, инструменты, бинты, зеркальце, направленное на рану – четкие движения опытного пилота, стежок, еще стежок, зубы стиснуты, второй укол обезболивающего, капли пота, выступившие от концентрации, обрезать нить, откинуться в кресле-кровати, вздохнуть, уставиться на ковер на стене с вышитыми васнецовскими богатырями и расслабиться: ты дома, сынок, ты спасен.

Мой дом наклонялся на восток, его тень удлинялась, она напознала на канаву под забором, где обитали головастики, жуки-плавунцы и невидимые одноклеточные. Приближался густой нефильТРованный дачный вечер. По переулку двигался грузовик с газовыми баллонами – редкий гость, прибывающий раз в месяц, чтобы доставить нам топливо. Дедушка готовился принимать груз: надевал костюм, свой любимый галстук, прикалывал орденские планки на пиджак, натирал ботинки. Он смотрел на хронометр, он показывал мне большой палец, он выходил.

Калитку участка напротив открывал другой мужчина – моложе дедушки, но почти не уступающий ему мужественностью морщин, ястребиным изгибом носа, благородной седной висков и голубизной глаз. Он тоже смотрел на часы. Ему тоже нужно было топливо. За его спиной стояла девочка – худенькая, хрупкая, растрепанная – я знал ее, мы часто катались вместе на велосипедах, ездили наперегонки по улице Сквозной и совершали вылазки по шоссе в соседние поселки.

– Еще, еще, – показывал дедушка водителю грузовика. – Еще на меня чуток!

Сосед от своей калитки тоже управлял процессом: он делал плавные жесты руками, вполголоса говоря:

– Хорошо, хорошо, не торопись – торопиться нам некуда.

Наконец кузов грузовика приблизился вплотную к нашим воротам, и дедушка поднял над головой скрещенные руки.

– Идеально, – со спокойной улыбкой сказал сосед, символически похлопав в ладоши несколько раз.

Водитель толкнул дверь кабины, поставил ногу на первую ступеньку, вторую ногу на вторую ступеньку, прыгнул на траву, сделал несколько нетвердых шагов и подошел пожать руки обоим мужчинам. Все трое отправились к кузову, опустили борт и начали спускаться на землю

баллоны. Они двигались не спеша и время от времени обменивались короткими профессиональными жестами.

Я выехал на переулочек с эффектной белой повязкой на ноге и стал наблюдать за происходящим, опустившись на багажник. Грузовик стоял у ворот, легко покачиваясь под уменьшившимся грузом, его зеленая кабина и черные колеса растворялись в сумерках, так что издали были видны только ряды тускло отсвечивавших баллонов и фары. Ближние дачи и далекий лес неотвратимо наползали на солнце, его свет быстро истощался, собираясь на горизонте тонким мениском. На небе проступали звезды, пустоты между ними заполняли вороны и мошка. Мужчины заканчивали разгрузку, теперь каждому оставалось доставить свой баллон к себе на участок и установить его в железную будку с надписью «ОПАСНО».

Дочка соседа подошла ко мне.

– Рана? – спросила она, показывая на повязку.

– Ага, – ответил я.

Бинт уже успел пропитаться кровью, и по нему расплзлось здоровенное красное пятно. Прилипнет, подумал я и заранее поморщился, представив процесс отдиранья.

– Болит?

– Да нет, в принципе, – выкинул я сразу два козыря: мужество раненого солдата и взрослый речевой оборот, значение которого я еще не до конца понимал.

Это был ход ва-банк, и я ожидал серьезного эффекта.

– Ваня! – предательски крикнула бабушка, высовываясь из окна на кухне и выпуская из него запахи оладьев и винегрета. – Беги ужинать!

– Ну ладно, – кивнула дочка соседа. – Пока. Мне пора.

Она стала удаляться, продолжая стоять ко мне лицом. Ее отец закончил монтаж баллона. Он был уже в доме, я видел, как в освещенных окнах двигался его силуэт – из кухонного окна в окно спальни, из спальни в детскую, из детской обратно на кухню, его руки брали посуду, баночки со специями, включали телевизор.

Их грязно-серый бревенчатый дом терялся в темноте, беспорядочно разросшаяся зелень вокруг него становилась темной материей, он округлялся, удалялся, уходил, смешивался с другими домами, со зданием телеграфа, где чаевничали призраки расстрелянной белой кости, с улицей Сквозной, слабо освещенной сельскими фонарями, с Ленинградской областью и Сиверским шоссе, тянувшимся через нее блеклой ниточкой вдоль черной ленты реки.

– Ваня! – позвала бабушка во второй раз. – Домой!

– Домой, – улыбнулся я.

– Домой, – подтвердил второй пилот.

– Запуск двигателей через 3... – начал я.

– До завтра! – крикнула мне через усиливающиеся помехи в эфире соседская дочка.

– 2...

– Спокойной ночи!

– 1...

– Пока! – я потянул на себя руль, седло врезалось мне в спину.

Фонарь рядом со мной ярко вспыхнул и заискрился, став на мгновение самой яркой точкой на переулочке, самой яркой точкой на карте, самой мощной вспышкой за последние 30 лет наблюдений. Серо-желтая земля расплылась и растянулась под колесами моего велика. Я двигался сквозь прохладную звездную ночь, над спящей травой и канавами с органикой, по прозрачной разлинованной плоскости моего детства, наматывая круги вокруг кротовой норы, соединяющей его со взрослой жизнью.

New Horizons

Зонд New Horizons приближается к Плутону. Совсем скоро он пролетит мимо него на своей огромной скорости, прошмыгнет через усыпанный звездами черный квадрат, и на мгновение зависнет в слоу-моушене над поверхностью планеты-карлика, холодной и безжизненной, голой и скользкой – такой холодной и безжизненной, что покрытое росой футбольное поле в питерском микрорайоне Дачное сентябрьским утром перед пробежкой покажется тебе мягким пляжем Санта-Моники. Такой голой и скользкой, что твоя желтая хрущевка с трафаретной цифрой «13» на облупившемся углу и тяжелой металлической дверью подъезда станет самым милым местом во вселенной.

Космические инженеры – молодые татуированные парни из Лос-Аламоса в аляповатых гавайках на худые плечи и очках как в 70-е – уже написали программу, которую New Horizons выполнит в нужный момент в нужном месте, и, с Богом, отослали радиоволной ему в хвост. Пройдет четыре часа, волна пройдет четыре миллиарда километров, и он прочитает ее – как твоя подружка, которая живет в стеклянной высотке на другом конце города, и которой ты пишешь на фейсбуке: «Привет!» и собираешься отправить, но потом передумываешь и дописываешь: «Сто лет не виделись!», потом стираешь и пишешь: «Привет! Сто лет не виделись. Столько всего произошло...», потом стираешь и составляешь сложную программу на устаревшем языке прошлого, в которой есть нетривиальные решения, узкие места, условия и циклы, ты отлаживаешь ее и исправляешь ошибки, вносишь последние штрихи, перечитываешь, проверяешь, ставишь точку с запятой, закрываешь кавычку, убираешь лишние скобочки, наводишь курсор на кнопку «Отправить», и нажимаешь «Отправить», нажимаешь «Отправить», в замедленной съемке нннааажжиииимааееешшшь «Ооооттттппппррррааавв-вииитттть», и она уходит в открытый космос – маленькая радиограмма, которую уже нельзя изменить, через вакуум спального района на окраину Солнечной системы, к белой точке-лампочке, где ее примет холодная антенна, передаст холодному бортовому компьютеру, который включит все лампы, запустит все системы и скажет:

- 1 разверни корпус
- 2 включи фронтальную камеру
- 3 наведи фокус
- 4 настрой экспозицию
- 5 сделай 25 снимков
- 6 поверни камеру
- 7 сделай 25 снимков
- 8 смени позицию
- 9 сделай 25 снимков
- 10 наклон 45 градусов
- 11 46 градусов
- 12 улыбнись
- 13 сделай 25 снимков
- 14 меняй наклон и продолжай делать снимки, пока Плутон не уйдет за пределы кадра
- 15 откадрируй
- 16 выровняй горизонт
- 17 убавь яркость
- 18 прибавь контраст
- 19 примени фильтр

- 20 отправь изображение
- 21 отправь изображение
- 22 отправь изображение
- 23 отправь изображение

Пройдет ночь, и парни в Лос-Аламосе проснутся, примут душ, расчешут бороды, поцелуют спящих жен в пухлые правильные губы и гладкие глянцевые плечи, не щекочи, скажут те, парни спустятся в гаражи, заведут доджи и бьюики, приедут под высокими худыми пальмами по приятно шуршащему асфальту на свои рабочие места, включают компы, протрут глаза и один из них скажет: «Oh my God! Guys, you gotta take a look at this».

«Ребят, вы должны это увидеть!» – скажешь ты, доставая телефон из кармана джинсов в дымном шумном баре, с некоторым усилием вытаскивая его из глубокого кармана своих узких джеггинсов, вытягивая длинную радиоантенну, разворачивая радиотелескоп и нетвердым тонким пальцем целясь в большие квадратные кнопки на приборной доске.

«Смотрите, парни! – скажешь ты, сияя. – Это она!»

«Here it is. That's it», – скажет инженер в наступившей тишине, показывая замершим с открытыми ртами коллегами контрастную и четкую поверхность Плутона на фоне черного космоса, впервые в истории человечества в full HD.

«Офигенно», – напишешь ты, забыв о нетривиальных решениях, условиях и циклах.

«Просмотрено», – ответит она.

«Шикарно выглядишь», – напишешь ты, садясь в такси, и твое сообщение отправится в пустоту, где тихо и прозрачно, где на пустой неубранной постели брошено домашнее платье и стоит открытый лаптоп, где спит сытая кошка, где висит Плутон, где плывет New Horizons, неумолимо превращаясь в пылинку на рукаве Млечного пути и продолжая делать фотки, пока остается заряд и работает связь.

Дед

Сегодня приснился дедушка. Он молодо выглядел – не седой, с бородой, худой, в берете, с немного озабоченным лицом, красивыми чертами. Нельзя было сказать, что он был рад видеть меня – скорее, принимал это как неизбежную формальность, которую лучше соблюсти.

Я зашел к нему в его просторную старую квартиру на последнем этаже монументальной сталинки с аркой в семь этажей, высоколобыми балконами с колоннами, гулками парадными с театральными перилами, открытой лифтовой шахтой и двустворчатыми окнами в пол под пять метров. Из его окон открывался вид на океан, на горизонте маячили маленькие, но узнаваемые силуэты военных кораблей с радиолокаторами и вертолетными площадками. Дом стоял у самого берега, на обрыве, под которым лежал узенький пляж из жесткого песка, смешанного с тиной, галькой и океанским мусором – на таком не позагораешь, можно только ходить в резиновых сапогах и сидеть на принесенном с собой складном стульчике. Пляжа из окна не было видно – его закрывал обрыв – но я знал, что он там. Дедушка сделал все по своему вкусу.

На стене висели часы с маятником – это была точная копия часов из нашей квартиры на проспекте Металлистов в Питере, где они с бабушкой прожили почти 40 лет. Кроме часов, из той квартиры здесь ничего не было. Тусклая атмосфера пасмурного приморского дня сочилась сквозь шторы, отражалась в огромном книжном шкафу со стеклянными дверцами за дедушкиной спиной. Полное собрание сочинений В. И. Ленина начиналось за его левым плечом и продолжалось за правым, из-за головы выглядывало фото – его собственное черно-белое фото в пальто и шляпе, сделанное мастером в каком-то старом салоне. Оно было отретушировано – раскрашено поверх масляной краской, как дедушка любил делать. Других фото в комнате не было.

– Ну что, Вань, как у вас дела? – спросил он довольно сухо, глядя в окно.

Он никогда не называл меня так при жизни. «Иван», «Ванчо», «Ванька», но – «Вань» – это было совсем на него не похоже. Впрочем, и я не знал его таким – почти моим ровесником, тоже художником, тоже занятым, тоже раздраженным всякими мелочами, отнимающими время.

– Да все нормально, дед, – ответил я.

Я тоже никогда бы не назвал бы его так – «дед». «Деда», «дедушка», но – «дед».

– Как мама?

– Отлично, – улыбнулся я.

Штора отлетела, и я заметил, что погода поменялась – вышло солнце, проступили куски неба, облака выстроились уходящими к горизонту рядами булок, океан застыл и заблестел, как свежая краска. Мне в лицо подул насыщенный миллионами запахов бриз, вместе с ними пришел миллион вопросов, которые я внезапно захотел задать деду – но они тут же улетучились, едва штора опала.

– Вот, поехала в Испанию, – закончил я, показав рукой за окно, где, вполне возможно, не было ни Испании, ни мамы, ни вообще чего бы то ни было человеческого.

– Хорошо, – кивнул дедушка. – Ты как сам, работаешь?

– Да, дедуль! – оживился я, и опять, поддавшись мгновенному порыву, собрался было рассказывать ему о своих проектах, о готовящемся альбоме, о вышедшей книжке, но резкий хлопок форточки (дед поморщился) заставил меня осесть на полуслове.

За окном раздался гул. Над домом пролетел военный самолет с маркировкой U. S. AIR FORCE.

– Ну, славно, – сказал дедушка. Обычно про такой тон говорят «подытожил», про себя отметил я.

Я понял, что официальная часть визита подошла к концу, и теперь все, что мне осталось – это свободные «плюс-минус десять минут», которые я могу использовать по своему усмотрению, не выходя за границы этикета ничего не должных друг другу деловых людей. Я еще раз окинул комнату взглядом, встал из-за стола, подошел к окну, всмотрелся в горизонт – корабли были подернуты маревом, они дрожали и искажались, медленно перемещаясь и вращая своими орудиями, в них не было никаких признаков иллюзии. Снова раздался гул – намного громче, чем в предыдущий раз. Стекла задрожали, завибрировали под моими ладонями, затрясли пыль, частички паутины и высохших мух, скопившихся между рамами. Окно заколотилось – сильнее, чем просто странно, грубее, чем просто реалистично, от чего у меня где-то в животе железно задрезжалась и стала натягиваться тонкая струна паники, постепенно набирая свой высокий нестерпимый тон. Сверкающий на солнце, играющий стеклами кабины, лопатками двигателей, пулеметными башнями, различимый в мельчайших деталях, над домом заходил на новый круг американский стратегический бомбардировщик В-52 образца начала 60-х. Дедушка сидел неподвижно в кресле и поглаживал бороду. Я наконец решился и спросил:

– Дедуль, скажи, мы на острове, да?

– Да, – просто ответил он. Не эпично, не монументально, просто – «да».

– А год какой? – сразу же спросил я. Диалог начал раскручиваться, как спираль, через один обычный шаг, через два, через тысячу – шестьдесят второй – а место? – остров Рождества – миную несущественные мелкие подводные вопросы, одновременно с тем, как воздушная крепость поднималась на высоту бомбометания – небо, безбрежность, нежность, мерсибит, пушاپ и безбожие, – все это вытягивалось в одну звенящую нить не-из-беж-нос-ти, вокруг которой сходились финальные моменты нашей встречи.

– Nine, eight, seven, – отсчитывал офицер в насквозь пропотевшей рубашке с короткими рукавами – частично от тропической жары, частично от нервов. – Six, five-er...

Камера фиксировала его effort, чтобы позже быть смонтированным в пропагандистском movie by Department of Defense.

– Дед, – продолжал я, преодолевая перегрузки, потери гласных в словах и слов в запасе. – А что если убежать отсюда? Что если доплыть до материка? Они ведь все там, да? Джон, Джеки, Мэрилин, королева Елизавета, Джон, Пол – их можно встретить?

– Попробуй, – невпопад ответил он, пожав плечами.

– Zero! – прорезался в трещине, ползущей по высокому сводчатому потолку, голос командующего операцией «Доминик».

– Cut! – в шутку выкрикнул режиссер, предвкушая невероятные монтажные склейки.

Коричневые волны вспыхнули теплым желтым, по дверцам шкафа и корешкам Ленина пробежали отблески термоядерной вспышки, мешаясь с лучами закатного солнца, окна напряглись и выбросили из себя стекла, пыль, пауков, запахи тихоокеанской флоры ворвались в благородную сырость советского ампира, смешались с ней на субатомном уровне и аннигилировали, стирая проекцию дедушки на одну из одноразовых Земель, на одну из несуществующих сырых парадных, одним из не значащихся в календаре августовских дней.

Я проснулся, сел на кровати и выглянул в окно. Рабочий и колхозница несли свои серп и молот в голубую глущь стратосферы. Пока я собирался с силами, чтобы встать и пойти в душ, природа спешно вычищала артефакты сшивки пространства-времени. И к тому моменту, когда я наконец спустил ноги на теплый паркет, она почти закончила, но в тот момент, когда вместо ванной я зачем-то направился к балконной двери, встал рядом и прижал ладони к стеклу, я наступил на нее.

Четыре рубля

В воскресенье вечером, возвращаясь с прогулки, зашел в круглосуточный магазин, чтобы сделать спонтанную бессмысленную закупку мусорной еды: две сосиски в тесте, шоколадка, пакетик сока, жвачка. Продавщица забыла дать мне сдачу – 4 рубля (перепутала двух- и пятирублевые монеты в той пригоршне мятых бумажек и меди, которую я вывалил на ее пластиковое блюдечко).

– А четырех рублей у вас не будет? – осторожно спросил я после нескольких секунд ожидания, попытавшись придать вопросу как можно более небрежную, необязательную, невзыскательную интонацию – господи, да нет так нет, пфф, о чем вы, милочка, на чай себе оставьте, ну чесслово, все, все, все – но получилось все равно довольно мрачно и быковато.

Вопрос упал тяжелой двухлитровой баклашкой на прилавок, опрокинулся, покатился, рассыпал по ленте розовые жвачки. Качок в черной кожанке за мной давил мобилу толстым пальцем.

– Ой, ой, простите! – запрочитала продавщица.

– Да ничего, – попытался я остановить лавину.

– Простите, пожалуйста, – искренне улыбалась, разводила руками, трясла головой и пожимала плечами одновременно простая раскосая маленькая женщина в пуховике поверх форменной рубашки. – Вы мне пять дали, да? А я не узнала! Простите!

– Да, да, ничего страшного, – сам улыбался я и протягивал руку под ее руку, неуклюже и спеша выгребаящую мелочь из кассы.

– Господи, не додала вам! – цокала она языком. – Если бы не вы! Вот спасибо. Спасибо вам огромное!

– Да не за что, – стыдливо запикивал я в сумку свои жалкие сосиски в тесте, уворачиваясь от ее ракет благодущия, которые летели в меня одна за другой. – До свидания!

– Хорошего вечера! Ждем вас снова! – кричала она, привстав, насколько позволял дурацкий полуофисный, полудомашний стул и жесткий прилавок. – До завтра! Ас-салямун алейкум! Аллаху акбар! Бох простит! Счастья вам! Любви! Денег!

Я шел к дому по тропинке, бомбардируемой потоками честности, любви и милосердия из самых недр видимой вселенной. На мокрых трамвайных рельсах вытягивались тонкими струнами отражения многомерного вечернего города. Мутные черные воды Яузы стали прозрачными и чистыми, зелеными океанскими, пенными мальдивскими, теплыми и спокойными. Кирпичные девятиэтажки, разбросанные у Ростокинского акведука вальжной брежневской рукой, освещала Луна и лужковские подслеповатые фонари. Хипстер возвращал арендованный велосипед на собянинскую экологичную парковку у трамвайного моста. Лучи прожекторов били в античных рабочего и колхозницу, заодно выхватывая из тьмы фигуры поздних туристов и монорельсовую эстакаду. С территории ВДНХ в небо стреляли лазерные установки – там заканчивалась воскресная дискотека. Навстречу мне шли люди, мамы, дети, дяди, тети, внуки, бабы, деды, стремилась из центра и в центр Ярославка, превращаясь в пр. Мира. Метеоспутник делал новый виток вокруг Земли, предсказывая само собой разумеющееся похолодание и дожди. Надвигалась поздняя осень. Солнце, как обычно, пересекало небесный экватор, уходя в южное полушарие. Вселенная продолжала расширяться. Маленькая продавщица стояла на крыльце магазина «Продукты», затягиваясь дешевой тонкой сигаретой, смотрела на тропинку вдоль дублера проспекта Мира и качала головой:

– Четыре рубля...

Как дела?

Ребят, пожалуйста, будьте оригинальными! Придумайте что-нибудь поинтереснее, чем «Привет» и «Как дела?» Неужели это так сложно?

Ответы на популярные вопросы. Дела хорошо. Красивая, я знаю, спасибо. Нет, не замужем. Да, занимаюсь. Нет, не веган. Нет, не встречались. Не думаю. Даже если и встречались, я не помню тебя. Как можно запомнить всех, с кем встречаешься? Человек не способен удержать в памяти имена и лица коллег, с которыми сидит в одной комнате изо дня в день, что говорить о мимолетных встречах. Нет, конечно, где-то на задворках сознания у меня может храниться твое лицо, но я не знаю, как извлечь его оттуда. Да и зачем? Возможно, мы были знакомы в прошлой жизни – может быть, даже встречались, даже – допускаю – трахались, даже – чем черт не шутит – жили вместе. Может быть, у нас даже были дети, и мы пытались воспитать их идеальными, пытались сделать так, чтобы они, в отличие от нас, не повторяли ошибок своих родителей. Они родили других детей, воспитали их, привезли нам понянчиться на выходные, потом еще раз, потом это вошло в систему, потом эти дети тоже выросли, помогли нас похоронить, через какое-то время у них тоже родились дети, все это повторилось много-много раз, и где-то в цепочке перерождений, на одном из бесчисленных ее витков, наши души вдруг опять дернули со скамейки запасных далеко за пределами материального мира, дернули и отправили нас в очередную командировку в этот материальный мир, в наши новые юные, здоровые и привлекательные тела, рост 180, вес 60, русская, английский свободно, немножко французский.

Ты помнишь, как это случилось – помнишь этот момент? Нет? Я вот помню. Ну, вернее, не совсем помню – потому что это сложно назвать воспоминанием – и не совсем момент – потому что это сложно назвать моментом – но как-то так вышло, что у меня частично сохранились ощущения из той странной бесцветной пустоты, где все происходило. Я была там одна – хотя, наверно, здесь вряд ли применимо понятие одиночества – но при этом отчетливо ощущала повсеместное – если бы это было местом – и одновременное – если бы в нем текло время – присутствие тебя. Тебя и еще кого-то третьего, который был – если бы был – намного старше и мудрее нас обоих. Мы как будто составляли с ним одно целое, но при этом каждый из нас сохранял свою индивидуальность. Мы трое были одинаково близки друг к другу – не в смысле какого-то типа а ля секса втроем – это меня тоже не интересует, если что! – нет, это был другой, не поддающийся описанию союз: мы переливались друг из друга, обогащались друг другом и превращались друг в друга – наша замкнутая система находилась в состоянии полной гармонии и нулевой энтропии, пока однажды ты – да, это точно был ты! – не сделал что-то, что страшно расстроило этого третьего, нашего отца и брата, нашу среду и наш субстрат. Я не знаю точно, что это было, но мне, зай, если честно, насрать. Скорее всего, что-то из тех мерзостей, которые ты обычно делаешь. Не закрыл вход в пещеру, и ночью погиб огонь. Не присмотрел за рабами, и они попередохли от своей чумки. Не поднял руку на стадионе вместе со всеми, и нас поперли с работы. Не следил за составом атмосферы, и всей нашей космической оранжерее пришел конец. Как бы то ни было, зайчик, гармония нарушилась, все полетело к чертям. Лафа закончилась.

Нет, никто не посылал нас, никто не обзывал нас мудаками и ошибками природы, как некоторые любят рассказывать, никто не говорил, что мы обломали ему кайф – нет, просто этот третий внезапно стал отдельным. Он вдруг перестал общаться с нами, перестал делиться своим раствором, перестал мешать свою кровь с нашей, он поменял пароли, закрыл нам доступ и пережал воздух. Он откололся и отчалил, оставив во мне зияющую дыру, оставив в тебе торчащий осколок, оставив нас в открытом пустом черном нелепом невыносимом вакууме – если какое-то понятие тут и уместно, то это именно оно. Мне было холодно, одиноко и паршиво. Ты вроде бы сначала был рядом, но потом я тебя потеряла. Потом я взяла в ипотеку вот эту квар-

тирку, в которой я на второй фотке, и купила в кредит вот эту машинку, в которой я на третьей. И вот я здесь. Привет, как дела? Мне кажется, у меня подходит к концу кислород, так что, пожалуйста, не трать мое и свое время. Мне не важно, на чем ты едешь и где ты живешь. Мне не нужны твои пошлые комплименты и твои идиотские шутки. Я хочу услышать только две вещи: «Я был неправ» и «Я все исправлю». После этого можем продолжить общение.

Private Pictures

Посмотрите ваши новые рекомендации для подмигиваний.

Ваше сообщение «Привет» не удастся доставить адресату. Попробовать еще раз?

Ваше сообщение «ахахаха ЛОЛ ЛОЛ ЛОЛ блять я ржал сука ахахах))))))» не удастся доставить адресату. Попробовать еще раз?

«Зая ты такая милая и нежная, мне хочется сейчас прижаться к твоему носику и тереться об него своим.....» не удастся отправить. Повторить отправку?

Превышен интервал ожидания для сообщения «Я начинаю целовать твои соски немного покусывая...». Нажмите, чтобы повторить попытку.

Превышен интервал ожидания для сообщения «Я начинаю целовать твои сосочки, немного покусывая их)). Нажмите, чтобы повторить попытку.

«Ты где?» не удастся отправить.

«Ты где блин?!» не удастся отправить.

Вы не можете отправить сообщение «Милая прости меня пожалуйста», потому что пользователь заблокировал вас.

Вы не можете общаться с этим пользователем.

Переписка недоступна.

Переместить «Мы/Поездка в Париж 2012» в корзину?

Переместить «Мы/Свадьба Светки» в корзину?

У вас нет доступа к папке «Мы/Private Pictures».

Вы не можете переместить объект «Мы» в корзину, потому что владелец объекта сделал его недоступным для вас.

Вы не можете изменить объект «Мы», потому что владелец объекта не делится им с вами.

Вы не можете скопировать объект «Мы», потому что владелец объекта ограничил доступ к нему.

Вы не можете оставлять сообщения в хронике этого пользователя.

Ты даже не представляешь, как клубок я тебя

как глубоко я тебя молоко кофе

я тебя люблю

и гавнище

и как мне щас

сейчас одиноко. Прости меня божественная

пожалуйста милая. На 10

Надеюсь ты это прочитаешь.

Ваше сообщение «Ты даже не представляешь как глубоко...» появится в папке «Другое», потому что у вас нет общих друзей с этим пользователем.

Ваша открытка «ДЛЯ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ И ЕДИНСТ...» отправлена. Проверьте статус заказа.

Ваш букет «Не такой как вс...» сейчас собирается. Хотите ли вы добавить нежные слова? OPLATA-FLOWERS-NETAKOYKAKVSE & NEZHNYE-SLOVA " YA LYUBLYU TEBYA" SPISANIE 9990 RUR

Поздравляем! Ваш букет «Не такой как вс...» доставлен лично в руки.

Сообщение просмотрено.

Вы не можете общаться с этим пользователем.

Переписка недоступна.

У вас нет доступа к папке «Мы/Private Pictures».

У вас нет доступа к папке «Мы/Private Pictures».

У вас нет доступа к папке «Мы/Private Pictures».
У вас нет доступа к папке «Мы/Private Pictures».
Посмотрите ваши новые рекомендации для подмигиваний.
Вы и Анна понравились друг другу. Отправить сообщение?
У вас нет доступа к папке «Мы/Private Pictures».
У вас нет доступа к папке «Мы/Private Pictures».
Копирование «Мы/Private Pictures».
1 новое сообщение.
Входящий вызов от «Солнышко». Принять?
Вы действительно хотите удалить «Анна» из пар навсегда?
1 новый запрос на добавление в друзья.

Люблино

Москва, люблинский воздух, поздний вечер, пасмурно, туманно. Среди пакетов, пластиковых стаканчиков и прочего мусора, вынесенного за день волнами людского моря к подножию гипермаркета «Билла», возвышается одинокой белой скалой здание недавно открывшейся частной клиники «МедСемья». На его фасаде – красочные рекламные растяжки со счастливыми белозубыми парами, которые только что прошли УЗИ, только что сделали МРТ головного мозга, сдали анализы крови и мочи, проверились у андролога и аллерголога и убедились, что у них все в порядке, и можно спокойно брать потребительский кредит на 20 лет в таком же аккуратном белом здании банка напротив.

На улице пусто, накрапывает дождь, торговцы разбирают свои палатки и запихивают в машины непроданный товар. Из метро, прикрывшись пожухлым номером «MINI», семенит, насколько позволяют тонкие неустойчивые шпильки, девушка в маленьком салатном платье. Ее пухлые губы и мокрые пряди на лбу выигрышно блестят в свете рекламного табло на фасаде клиники, по которому движется бегущая строка: «ОМОЛОЖЕНИЕ – ГОЛЛИВУДСКАЯ ВОЛНА – БОТОКС». Ярко-красные буквы, мерцающая, переворачиваясь и разлетаясь на частички в дешевой анимации из 90-х, неостановимо бегут сквозь дождь, туман, ветви, провода, обострившиеся запахи несвежих овощей, мочи, табачного дыма и перегара: «ОБОРАЧИВАНИЕ ПЛЕНКОЙ – КРИОТЕРАПИЯ – ЛАЗЕРНОЕ ОТБЕЛИВАНИЕ КОЖИ».

На горизонте, за рядами типовых свежоотшпаклеванных многоэтажек, светится недремлющее лого рынка «Москва», над которым возвышаются полосатые бело-красные трубы Люблинского литейно-механического завода, перемигивающегося с нефтяным факелом Капотни в десяти километрах к юго-востоку, как королевства Гондор и Рохан в преддверии величайшей битвы народов Средиземья со злом.

Девушка бежит по зебре, не дождавшись зеленого, с одного берега широкой волнующейся Краснодарской улицы на другой, от клиники «МедСемья» к клинике «МедСи», с фасада которой на нее смотрят другие белозубые пары, тоже счастливые и влюбленно трущиеся щеками и носами, скачанные жадным дизайнером из фотобанков и беспощадно растянутые вместе с защитным водяным знаком. Возможно, этих пар уже нет, возможно, они давно развелись из-за домашнего насилия или умерли от СПИДа и последствий алкоголизма, не успев выплатить ипотеку – а, может быть, все еще живут вместе: муж в растянутой майке, жена с обвисшей грудью, она входит в квартиру с промозглой улицы, таща сетки с продуктами из супермаркета, он сидит за компьютером, окруженный пустыми банками из-под энергетика и пакетами из-под семечек, она бросает:

– Зай, ну че, есть там че-нить из банка, купил кто-нить наши фотки?

– Не, ни хера, – отвечает он, не поворачиваясь. Все его внимание сосредоточено на экране, где нарисованный трехмерный крупье нарисованной трехмерной лопаточкой сгребает фишки, и нарисованные трехмерные люди в как бы коктейльных платьях и пиджаках как бы напряженно смотрят на как бы вращающуюся рулетку.

– Если хочешь есть, я принесла замороженные чебуреки, можешь разогреть, – говорит жена, наклоняясь к нему и прижимаясь щекой к его щеке.

Он вздрагивает и отстраняется, выскальзывая из ее незавершенных объятий.

– Не могу, я занят, щас турнир.

– Ну, как закончишь, – отвечает она по дороге в свою комнату, где ее ждет старенький ноут и двести баннеров, которые осталось прокликать за сегодня, чтобы заработать ежедневные 0,000001 биткоина.

– «Аппаратная коррекция фигуры в клинике „МедСемья“», – читает она очередную рекламу, узнавая себя на фото. – Твою-то мать, зай...

«Блефаропластика под общим наркозом», – читает на бегу промокшая девушка в салатном платье. За ее спиной – белое здание клиники, красное мерцающее табло, под ногами – недавно нарисованная зебра, белые полосы, красный фон, как на Кипре, где надо смотреть сначала направо, а потом налево, где, вообще-то, можно и не бежать и не прикрываться журнальчиком, а можно просто опустить крышу кабрио, опустить веки и расслабленно отпустить тормоз.

Рядом с рынком «Москва» отпускает тормоз и втапливает газ в пол водитель заниженной девятки, уверенный в себе и в том, что он один на дороге, и мчится навстречу девушке и зебре, навстречу Кипру и Голливуду, уместившимся в одной маленькой мокрой голове, навстречу красному, белому и салатному, зеленому и черному, смешанным в отражении на поверхности одной густой трехмерной дождевой капли, замедленно смахиваемой дворником, – и, вроде бы, по всем законам физики, он успевает проскочить, и, по всем законам жанра, она бежит не останавливаясь, но тут на коленях замедленно жужжит и мигает телефон, который говорит, что, кажется, у вас есть новое совпадение, и, кажется, какое совпадение, эта милая губастая девушка всего в одном километре от вас, интересно, где, замедленно растягиваются губы в улыбке, возвращаются к дороге и расширяются зрачки, – отправить сообщение, спрашивает телефон, или продолжить поиск? От-пра-вить со-обще-ние или продолжить поиск куда-л-ить из паркетной причины вмятку—

Колготки

Вечерний супермаркет в Ростокино, поток семейных закупок схлынул, сотрудники копошатся у стеллажей, по залу ползают случайные лентяи в драных пальто и порхают поздние пташки в серых трениках и кроссах.

Я стою в очереди из четырех человек, четыре пары ботинок нетерпеливо мнутя, четыре колеса тележки неторопливо катятся, старушка неповоротливо выгребает мелочь из кошелька, джентльмен с поджатыми губами и пластиковой картой ждет, кассир с базарным прошлым держится из последнего на исходе вторых суток через двое.

К очереди присоединяется стриженный под ноль Шрек с двойным загривком в брутальном кожзаме, нелепо болтающемся на его теле, как чехол на монументе. Он атакует своим дыханием мой затылок, разворачивает взглядом табачные стенды, ускоряет и без того нервные птичьи движения кассира, искажает пространство и время вокруг себя, как супермассивная черная дыра.

На стенде у кассы среди жвачек и одноразовых бритв сиротливо лежит последняя пара колготок с фотографией знойной женщины в черном белье на упаковке. За окном неожиданная октябрьская метель, неяркие фары, немилая осень, неблизкое Рождество. Шрек в кожанке смотрит на женщину на упаковке, он наклоняет голову, как заинтересованная собака, его взгляд теплеет. Он долго смотрит на нее, скользит взглядом по ее идеальным ногам и бедрам, идеальным рукам, обхватившим идеальные ноги в позе идеальной тоски. Ему хочется ее согреть, зазабшую, хрупкую, видимо, брошенную каким-то истеричным говнюком. Он переминается с ноги на ногу, затем оставляет очередь, метнув мне в спину и уронив на пол тяжелый, как пушечное ядро, взгляд-предупреждение: «Я за тобой буду», – подходит к стойке, боязливо озирается в поисках других качков – чтобы не засмеяли – вроде нет, только выжившая из ума пенсионерка и пара интеллигентов, которых можно при малейшей насмешке сломать одной левой – грубым жестом берет пачку, возвращается к кассе, кидает на ленту к кальмарам и пиву. Ты не замерзнешь московской промозглой осенью, безымянная модель.

Моя очередь.

– Пакет вам надо? – устало поднимает на меня глаза кассир.

Я качаю головой. У меня своя авоська, я делаю шаг навстречу экологии. Товар по акции? Да нет, спасибо.

Знойная женщина между пивом и кальмарами на ленте подъезжает ближе. Ее ничто не отделяет от моих пельменей и огурчиков, булочек и шоколадок, заготовленных для завтрашнего junk day – «мусорного дня», дня обжорства, жемчужины недели – изобретения фитнес-тренеров, внушивших нам, что один раз в неделю можно плевать на диету, есть все подряд и не бояться набрать лишний вес. Возможно, в чем-то они даже правы.

– Это ваше? – поднимает кассир упаковку с колготками.

Из магазинного радио доносится до боли знакомый трек из 80-х, он распадается на элементарные частицы и теряется под сводами потолка, прежде чем быть узнанным. Подошедшая к кассе студентка с собранными в пучок волосами смотрит сонно-вопросительно-отстраненно. Шрек начинает жевать губами и шумно сопеть, как котел, в котором смешали две до сих пор не встречавшихся материи: безоговорочную маскулинность и смущение застуканного за просмотром травести-порно подростка.

Я думаю о том, как снималась эта обложка. Как 25-летняя модель с белой кожей, торчащими ребрами и тяжелым мейком вздыхала, забравшись на подоконник и прижав к груди острые коленки, курила электронную сигарету и говорила фотографу, на свои арендовавшему дешевую студию «под каталожную съемку»:

– Блин, вот я прям мечтаю, как мы щас закончим – и сразу в магазин за каким-нибудь говном, да? Две недели на белковой диете, ты прикинь?! Это жуть просто, еще последние два дня воду пришлось урезать... Тренер сказал – типа, чтобы просушиться перед съемкой, как бодибилдеры перед соревнованиями: два литра один день, потом полтора, литр, и сегодня у меня было – знаешь сколько? Ноль четыре литра! Маааасенькая бутылочка вот эта «Шишкиного леса» и все! Прикинь?

– Пиздец, – качал головой фотограф. Он сидел на диванчике у стены и крутил в руках портретный объектив, думая, ставить, не ставить, заморачиваться или отщелкать оставшееся дешевым универсальным. Все равно не арт...

– А прикинь еще, – продолжала модель, откинув волосы и спрятав подбородок между коленями. – Он мне еще предлагал пропить курс диуретика – ну, типа, последнюю неделю сушки. Тоже как воду – сначала одну таблетку, потом две, потом три... Ну, вернее, наоборот, – воду уменьшаешь, а это увеличиваешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.